

Глава 1

Уэйлон Джозеф с дымящейся сигаретой быстро присел на корточки за трибуной бейсбольного поля, прячась от жены.

В июньском небе висела дневная луна, а под ней играли в бейсбол мальчишки. То и дело над полем проносился мяч и в воздухе мелькали маленькие перчатки кэтчеров. Весь остальной парк, разбитый здесь, в южной оконечности Меркьюри, — с затхлым прудом и покосившейся беседкой, — как будто отступил от стадиона. Межштатная магистраль *I-80* тянулась совсем рядом — к ней вела обсаженная кедрами дорога, — и все же Уэй сейчас не слышал ни громохана, ни рева моторов проносящихся по ней грузовиков.

Воздух вокруг казался тяжелым и густым. Как мед. Как вожделение.

Уэйлон постучал пальцем по «салемской» сигарете, стряхивая на землю пепел. «Сегодня, — сказал он мысленно. — Сегодня ты должен все ей сообщить». То же самое говорил он себе вчера.

И позавчера. И каждый день с того момента, как последний раз наведаясь в банк.

Меж тем сквозь заржавелую обшивку трибуны стало видно Марли — подернутая желто-рыжими разводами планка разделяла ее точно пополам. В ярко-розовой тренерской бейсболке и джинсовых шортах, с развевающимися на ветру золотисто-каштановыми волосами, она казалась едва достигшей восемнадцатилетия — как в ту пору, когда Уэйлон в нее влюбился. Когда была школьной любовью не его одного.

Марли высоко вскинула руку, и команда восьмилетних мальчишек замерла в ожидании, что она скажет.

— Собрались, пацаны! — крикнула она игрокам в дальнем конце поля.

Воздух разрезал резкий звук — бэттер¹ команды противника высоко отбил мяч. Центральный принимающий мяч поймал, и на этом иннинг завершился.

Уэйлон прижался лбом к горячему металлу трибуны. Хватило всего пары слов из уст Марли, чтобы мальчишки сконцентрировались. Она умела управлять людьми — хоть и сама порой того не замечала. За минувшие восемь лет в их браке столько всего

¹ *Бэттер* — отбивающий в бейсболе, игрок атакующей команды. *Кэтчер* — игрок защищающейся команды, который находится за «домом» и спиной бэттера, но перед судьей, и принимает мяч, поданный питчером. *Питчер* — игрок защищающейся команды, подающий мяч в сторону «дома». *Иннинг* — игровой отрезок, в котором обе команды по разу атакуют и защищаются.

крутилось вокруг силы и влияния. Кто ими обладал, кто их лишался. Этакое зыбкое, постоянно меняющееся положение весов.

Ликующе вскрикнув, Марли выхватила из ближней стайки игроков мальчонку и усадила себе на бедро. Сделала она это так легко и радостно, будто вся жизнь являла собой нескончаемый праздник и светлый летний день. Даже ногти у нее на ногах были выкрашены ярко-розовым цветом. Уйэлон же лишь выпускал зловонный дух в своем заляпанном смолой рабочем костюме и грязных ботинках. Прочие отцы — мужчины, с которыми Уйэлон когда-то ходил в старшую школу и у которых хватало сейчас смелости сидеть на трибуне, а не трусливо прятаться за ней, — дружно зааплодировали его сыну, когда тот появился у скамейки запасных.

— Зоркий глаз! Отличный глазомер! — выкрикивали они, когда судья засчитал команде два мяча подряд, притом у самих отцов глаза не отрывались от покатога бедра Марли в шортах, от ее оголенных по жару ног.

«Похотливые шакалы, — думал Уэйлон. — Прямо все до единого».

Не зная об этом, Марли сунула в рот новую пластинку мятной жвачки. Когда сын занял на поле место подающего, в ее блестящих глазах Уэй увидел огонек надежды. Как будто в этом мальчишке Марли находила все недостававшие Уэйлону добродетели. И действительно, парень был ими наделен сполна. Веснушчатый и храбрый, как Марли, безоговорочно преданный и честный. На поле он отбивал самые сложные мячи так, словно его сердце

никогда не знало горя, обегал базы так, будто время для него не способно было истечь. Он был таким, каким всегда мечтал стать Уэйлон.

После вчерашнего дождя поле было еще мокрым. Тео легонько постучал металлической битой по бутсам, стряхивая грязь с шипов подошв — в точности как делал Уэйлон, когда был юн и вечно норовил ломануться напрямик, перемахивая все те же самые заборы. Президентом в ту пору был Джордж Буш-старший, вторгшийся на Ближний Восток. Теперь на дворе стоял 1999-й, и его тезка-сын объявил о намерении баллотироваться в президенты и закончить войну, развязанную отцом. Как-то даже не по себе, подумал Уэйлон, когда подобное наследие передается от отца к сыну.

Тео сейчас принимал собственную эстафету в давно сложившейся традиции семейства Джозеф, когда дети разочаровывались в своих отцах. Мик Джозеф ни разу не ходил на бейсбольные матчи, где играл Уэйлон. Он постоянно бывал занят: мазал никому не нужной краской каждый штакетник в городе и оглашал окрестности мрачными предзнаменованиями песни *Bad Moon Rising*.¹ Впрочем, сейчас Уэйлон уже задался вопросом: а не прятался ли часом Мик где-нибудь позади трибун, как сейчас он сам?

Когда-то Уэйлон поклялся, что жизнь Тео не будет похожа на его собственную, что у того будет

¹ *Bad Moon Rising* (1969) — песня Дж. Фоггерти, лидера американской рок-группы *Creedence Clearwater Revival*, в которой апокалиптического настроения текст исполняется в веселом жизнерадостном ритме.

отец, который станет им похвалиться и бурно радоваться его успехам.

Забавно, что ничего из этих обещаний не вышло.

На солнце ненадолго наполнило облако, и третий мяч лихо отлетел от биты в руках вставшего наизготовку Тео, угодив прямо в перчатку кэтчера. Мальчик тут же помчался к матери. Марли шепнула ему что-то на ухо и стукнулась с ним кулачками. Наблюдая за ними, Уэйлон чувствовал, как пусто и заскорузло становится у него на душе. Тео так похож был на Марли, особенно когда она смеялась! Пусть даже Уэй уже и не мог вспомнить, когда она смеялась последний раз.

Он провел ладонью по лицу, пытаясь объективно представить, что за семья у них сложилась, пока он лазал по крышам. В свои двадцать шесть они с Марли были еще достаточно молоды, чтобы успеть залатать то, что сгоряча порвали. И наблюдая, как его жена с безграничной нежностью провела кончиками пальцев по щеке Тео, Уэй почти даже поверил, что возрождение возможно.

«Уэй, — сказала ему Марли когда-то давно, когда они лежали в постели холодной зимней ночью, — мне кажется, это хорошо, что ты боишься». Стоило ему тогда прислушаться к ее словам.

Из жалости к себе Уэйлон хотел было закурить вторую сигарету, как вдруг услышал пронзительную трель. Телефон-автомат у него за спиной нарушил редкое мгновение тишины, и все болельщики оглянулись в его сторону. Вот же невидаль! Хотя, конечно, звонящий таксофон в таком местечке был словно снегопад в июле.

Для Уэйлона же звонок не предвещал ничего хорошего. Несомненно, он понадобился старшему брату Бэйлору, чтобы в очередной раз идти исправлять то, что отчебучил их отец.

Ветеран Вьетнамской войны и самопровозглашенный мэр, Мик Джозеф считался живой достопримечательностью города Меркьюри. Что говорить — только вчера, разъезжая по улицам на стареньком фургоне «Шевроле Астро» с притороченной сверху лестницей, он застопорил дорожное движение, остановившись прямо посреди дороги, чтобы поднять свалившиеся с головы очки. Если бы подобным его косяки и ограничивались, Уэйлон бы и не парился. Но за свою жизнь его отец понастроил дел, на которые потом ему было наплевать. Дом, брак, сыновья. Мик вечно смешил людей. А еще всегда брал то, что хотел. Держался он франтовато, имел подмоченную репутацию донжуана и постоянно спускал деньги на ветер.

Интересно, подумал Уэйлон, какую вдовушку он на этот раз терроризировал, закидывая пошлыми любовными записками и стуча в дверь в четыре утра сдохлым букетом пеларгоний, что еще впотьмах надрал у себя на клумбе? Или какой счет демонстративно отказался оплачивать — за воду или за газ? Или, быть может, снова сорвал проповедь пресвитерианского пастора, поднявшись посреди службы и растопыренными пятернями вдарив по клавишам стоящего там сбоку пианино?

Все вокруг сходились во мнении, что такого типа, как Мик, надо держать под замком. И приструнить его должен был кто-то из троих сыновей.

Уйэлон, который чувствовал себя проклятым с той самой минуты, как мать окрестила его «ответственным сыном», понимал, что задача эта ляжет именно на него. Тяжесть своей миссии он ощущал в золотом нательном крестике, который ни разу не снимался с тех пор, как мать повесила десятилетнему Уэю его на шею. Бэйлор, который был выше его и старше на тринадцать месяцев — их грозная сторожевая башня и дозорный, — подобной безделушки от матери не получал. Да и Крошка Шэй — девятнадцатилетний уже парень, младший из братьев, — по-прежнему считался отцовской отрадой. Почти как и Тео для Уэйлона, он заключал в себе все надежды и чаяния отца и ни единого сожаления.

В общем, именно Уэйлону приходилось разгребать обычно весь бардак. В точности как когда-то ребенком в доме Мика Джозефа, он вынужден был прибираться за отцом, когда тот проливал молоко и не удосуживался убрать за собой. Уэйлон терпеть не мог это тогда и ненавидел теперь. И все же Уэя, любившего, чтоб все было благополучно, точно так же, как в детские годы, тянуло исполнить свою роль. Из всех братьев он был первым, кто не выдержит и помчится убирать. Фамилия «Джозеф» по-прежнему что-то да значила для него, пусть даже он уже и сам толком не знал, что именно.

Уэйлон проигнорировал трезвонивший таксофон. Кто-то пустил мяч горизонтально по прямой, игрок первой базы его поймал, сделав третий аут, и команда Марли вновь завладела полем. Четвертый иннинг пошел? Или уже пятый? Уэй сбился со счета.

Марли повернула обратно к трибуне, и Уэй торопливо пригнул голову, пока она его не заметила. Глядя

на жену из-за скамей, Уэйлон сознавал, что, встань перед ним еще раз выбор, он выбирал бы эту женщину снова и снова — пусть даже сама она, возможно, считала, что он кого-то бы ей предпочел. Вот только в ее глазах он по-прежнему видел предательство. Такой и была правда их отношений: расчетливые сердца, переменчивая верность. Отчаянная попытка удержаться друг за друга. Попытка, имеющая так мало шансов на успех.

Телефон-автомат было умолк, но через несколько мгновений затрезвонил снова.

Точно медведь, пробуждающийся после зимней спячки, Уэйлон распрямился во весь рост и потянулся, после чего побрел-таки к таксофону, чувствуя, как пятьдесят пар глаз прожигают ему спину. Снял трубку на середине гудка. И впервые брат на другой конце линии даже не заикнулся об отце.

Мик Джозеф, который не имел достаточно средств, чтобы учиться в колледже, и вместо этого прочитал несколько энциклопедий, любил говорить, что, когда человек чего-то не знает, он легко может оказаться в дураках. Однако в ситуации Уэйлона исход был куда более обидным: в дураках он оказался потому, что думал, будто бы все знает, хотя на самом деле это было совсем не так.

Уэй полагал, что его собственные тайны ужаснее, чем у кого-либо в семье. Но он ошибался.

Десять минут спустя Уэйлон встретился со старшим братом там, где тот назначил — у входа в единственную в городе пресвитерианскую церковь. В Мер-

кьюри имелись и другие христианские конфессии: методистская, баптистская, католическая церкви, — однако это было единственное молитвенное заведение, которому доверялось семейство Джозеф с 1970 года, когда Мик вернулся из Вьетнама.

Бэйлор ждал брата, прислонясь к дверному косяку. С густыми черными патлами, уже лезшими в глаза, и с черными ободками смолы под ногтями после объекта на китайском ресторане, что в двух городках от Меркьюри. В отличие от Уэйлона, Бэйлор никогда не сгорал на солнце, так что с мая по октябрь он разгуливал с голым торсом, выставя мускулатуру на всеобщее обозрение и заявляя тем самым всему женскому полу от двадцати двух до сорока, что он в великолепной физической форме и брачными узами не связан.

Одет был Бэйлор в футболку с логотипом отцовской фирмы: темно-синюю с крупными белыми буквами *«Джозеф и сыновья. Кровельные работы»*. Это название всякий раз возмущало Уэйлона, поскольку не соответствовало правде. Всю работу делали обычно эти самые «сыновья», а вовсе не Мик Джозеф, как заявлялось в названии.

«Слабак Уэйлон» и «Здоровяк Бэйлор». Именно так Мик отзывался о своих старших отпрысках, когда им случалось вместе работать на крыше. И всю жизнь Уэйлон задавался вопросом: не так ли это, собственно, на самом деле?

Бэйлор между тем не докучал себе подобными сомнениями — как никогда не обращал внимания, что растаскивает ботинками грязь по полу.

— Пошли уже, разделаемся с этим поскорей, — проворчал Бэйлор, придерживая брату дверь. В одной руке у него была монтажка, в другой — небольшая лопата.

Вместе они вошли в темную прохладу лестницы, где сидел, весь потный, временный пастор прихода. В Меркьюри он застрял с тех пор, как прежний святой отец четыре года назад завел тайную интрижку и исчез из города. «Временный» звучало как вердикт, как будто церковь не в состоянии была найти на это место человека, который гарантированно бы отсюда не сбежал, как предыдущий. Тот день, когда Уэй последний раз общался с этим священником, был самым черным в его жизни, и он не любил об этом вспоминать.

Пастор, звали которого Леннокс, поднял голову, услышав их шаги.

— Я знаю, что крышу следовало чинить еще несколько лет назад, — сказал он. — Уже понял.

Леннокс повел работников внутрь храма. Они миновали крестильную купель, сооруженную когда-то Миком, тканый гобелен с Апостольским символом веры¹, собственноручно вышитый и повешенный здесь соседкой Уэйлона. Проповедники в этой церкви появлялись и исчезали, и выживала она исключительно за счет стойкой приверженности жителей Меркьюри. Горожане прибирались

¹ Имеется в виду текст, написанный совместно двенадцатью апостолами, получившими вдохновение от Святого Духа: «Верую в Бога, Отца Всемогущего Творца неба и земли... (и далее)».

в ней и украшали к праздникам стены, чинили и восстанавливали здание, женили там влюбленных, крестили детей. Это строение словно олицетворяло собой частицу вечности в суетном мире, стремящемся к своему концу, хотя Уэйлон никогда так остро не ощущал собственную смертность, как тогда, когда сидел здесь на скамье.

Леннокс между тем принялся объяснять, что именно произошло.

С утра здешние «матушки» проводили в приделе летние уроки Библии для ребятишек на каникулах, и вдруг с потолка закапала какая-то жижа. Штукатурка кусками стала отваливаться прямо детям на колени. С крыши расположенной прямо над ними колокольни стекала дождевая вода, просачиваясь сквозь дырявую кровлю и оставляя темные следы на безупречно белом потолке святилища.

— А чего она такая... цвета побежалости? — спросил Бэйлор, глядя, как капли с потолка падают на обитые жатым бархатом скамьи. До воскресенья сиденья в церкви требовалось как следует вычистить.

Кроме того, в воздухе разливалось терпкое зловоение.

— Все будет сделано, — заверил Уэйлон пастора, даже не удосужившись оглядеть место протечки. И зная, как недоволен будет брат.

Отец их так же любил раздавать гарантии из серии «Слишком хорошо, чтобы быть правдой». Даже на боку его фургона значилось: *«Джозеф заделает любую течь!»*.

И сыновей он растил так, чтобы это обещание неизменно исполнялось.

— Но не ждите от нас скидки, — со злостью обронил здоровяк Бэйлор, — только потому, что у вас церковь.

Он прихватил себе пальцами шею на загривке и потискал кожу, что, как было известно Уэю, делал лишь в минуты сильного волнения, а такое случилось с братом крайне редко. Под самым ухом у него виднелся белесый кривой шрам — единственное место у Бэйлора, куда не ложился загар. Надо думать, Бэю сильно не терпелось подняться на этот чертов чердак, испачкать рабочие руки в грязи. Все разломать, чтобы потом как следует починить.

Так что Уэйлону ничего не оставалось, как немедленно приступить к работе.

По потолку церкви продолжало расползаться лилово-красное пятно. К кирпичному фасаду здания Уэй приставил металлическую лестницу и полез по ней, не попросив кого-либо придержать ее снизу.

— Поосторожней там, сынок, — напутствовал его из открытого окна Леннокс.

Оказавшись на крыше, Уэйлон вскарабкался по скользкому крутому скату к небольшой огороженной площадке, над которой и высилась изукрашенная башенка с колоколом. Как и следовало ожидать, под прохудившимся медным фартуком, прибитым к кровле, образовалась лужица. Уэй согнал оттуда ладонями воду, подождал, пока она стечет по откосу. Он представил, как вода просачивается под тонким металлом к балкам звонницы, как разрыхляется от влаги древесина. Все, что сейчас требовалось, — это оторвать старый и заменить.

Уэйлон спустился на несколько ступенек и заглянул в окошко церкви.

— Надо было дать нам перестелить крышу еще десять лет назад, когда мы вам сказали, что пора! — отчитывал пастора Бэйлор, несмотря на то что в ту пору Ленноксом в их городке еще и не пахло.

И это говорил Бэйлор, у которого обычно общение с клиентами ограничивалось неопределенным гнусавым мычанием. Он стоял на высокой стремянке, изгибом монтажки обследуя пятно на потолке.

— Дело в фартуке, — сообщил ему Уэйлон. — Это под ним протекло.

Бэйлор насмешливо фыркнул.

— Сам можешь убедиться, — пожал плечами Уэйл.

И братья поменялись местами. Оказавшись внутри церкви, Уэйлон решил все же с расстояния, не взбираясь на стремянку, оглядеть место течи. Каким бы высоким ни был в алтарной части потолок, основание звонницы находилось еще выше. Ответ на его вопрос определенно крылся в пространстве между потолком и крышей.

— А там что, наверху? — спросил он пастора, хотя и понимал, что Леннокс вряд ли это знает.

С монтировкой в руках Уэйлон прошел в глубину церкви и открыл узкую дверь, ведущую в казначейскую, где обычно хранились приносимые еженедельно пожертвования. Подняв взгляд, Уэй обнаружил такое же точно лилово-красное пятно на низком потолке с небольшим люком. Такой люк означал, что наверху находится еще одно помещение.

Проем был покрашен несколько лет назад. Уэйлон подцепил монтировкой выступающую кромку люка, потянул, и на лицо ему посыпались кусочки засохшей краски. Бэй прокричал ему что-то с другой стороны стены, но Уэйлон его не расслышал. Внезапно потянуло ветерком.

Уэй верил, что в некоторых местах обитают привидения, но вовсе не из набожности, а потому, что был кровельщиком. Вся его работа, можно сказать, состояла в разоблачении недосказанностей — историй, которые держались в тайне до той поры, пока не начинали протекать наружу.

Из открывшегося люка прямо перед Уэйлоном вывалилась небольшая складная лестница, и он, толкнувшись, поднялся на технический этаж. Вынул из заднего кармана джинсов зажигалку, лежавшую рядом с пачкой сигарет. Зажег... И тут увидел их.

Одну, другую — и вскоре уже десяток летучих мышей выпорхнули из проема вниз и понеслись далее, в зал церкви. От неожиданности Уэй вывалился из проема и шлепнулся на пол.

— Может, мне пора обзавестись пневматикой? — спросил Леннокс, тряхнув серебристыми кудрями, свисавшими до самых глаз.

— Не надо, — в один голос ответили ему Уэйлон и Бэйлор. Последний помог брату подняться на ноги.

— Избавиться от этих летучих тварей проще некуда, — соврал Бэйлор. — Оставьте окна на ночь нараспашку — остальное они сделают сами.

В этот момент протечка дала о себе знать с новой силой, и темная жижа потоком хлынула из люка на пол. Тут ругнулся даже Леннокс.

— Чем это так смердит? — поморщился он.

Уэйлон привычен был к разного рода зловониям, однако это не мог распознать. Снова подтянувшись, он залез на технический этаж и пошарил вокруг.

— Что тут за тряпки лежат? — спросил он и подтянул материю к идущему снизу свету. Ткань была мокрой, и ладонь Уэя тут же приобрела красно-фиолетовый оттенок. — Вроде как это с них сходит краска.

— Похоже на мантии для певчих, — сказал внизу Леннокс.

Сев у края проема, Уэйлон свесил руку и подождал, пока Бэйлор кинет ему фонарик. Лучом света он повел по чердачному пространству, пока не осветил груды непонятно чего, неподвижно лежавшую поверх мантий. Скверный запах исходил именно от нее. Что бы там ни было, пролежало это здесь уже довольно долго.

К горлу подкатила тошнота. Насколько Уэйлон мог судить, иного выхода отсюда не имелось. Балки тянулись от этой чердачной площадки до лестницы, ведущей наверх, на колокольню. Один неверный шаг — и провалишься сквозь хлипкий гипсовый потолок. Так что источник вонь лежал непотревоженным с тех самых пор, как была покрашена ведущая на чердак дверца.

Уэйлон отдал брату фонарик и вытер ладони о джинсы.

— Вызывай Патрика, — сказал он, имея в виду местного полицейского-первогодка, который параллельно нес в городе санитарную службу, поскольку преступления были в Меркьюри огромной редкостью.

Патрик был лучшим другом Крошки Шэя и даже еще не настолько взрослым, чтобы употреблять алкоголь. — Здесь дофига летучих мышей сдохло.

Стоило ему это сказать, как с груды тряпок соскользнула затвердевшая тушка летучей мыши и оттуда проглянуло нечто крупное, туго затянутое в пленку. Уэй прищурился, вглядываясь. В животе словно что-то провернулось.

Уэй ухватился пальцами за пленку, потянул к себе, и вся эта штуковина скатилась с кучи платьев к люку, остановившись на краю.

— Черт, — буркнул Уэй и поспешно спустился с лестницы.

Втроем мужчины вгляделись в то, что лежало перед ними.

В застывшем у открытого проема свертке из-под пленки проглянуло нечто жуткое. Выпирающая кисть руки, характерный изгиб усохшей конечности.

Уэйлон перевел взгляд на Бэйлора, тот зажмурил глаза. Тут же он их открыл, и Уэйлон на доли секунды увидел перед собой того Бэйлора, что однажды после полуночи, распростершись на ковре, в отчаянии колотил ладонями по полу. Уэй как сейчас слышал его утробные крики: «Прошу тебя! Пожалуйста!», — и короткие гудки из упавшей на пол трубки телефона.

Уэйлон ничего не знал касательно этого спеленатого тела в проеме люка — оно лишь напомнило ему о катастрофе в их семье.

Кашлянув, Бэйлор повел покрасневшими глазами по казначейской, по залу за открытой дверью, наконец его взгляд уткнулся в Уэйлона и застыл.

Тонкая и незримая живая нить, повисшая сейчас между братьями, означала, что между ними не все еще погублено.

Леннокс даже не двинулся к телефону. Уэйлон так же не пошел к выходу.

Шмыгнув носом, Бэйлор расправил плечи и положил монтажку на плечо. Шрам над ней светился, точно оборванный нимб.

— Вот видите? — сказал он, направляясь к двери. — Надо было чинить крышу, когда вам об этом говорили.

Прежде чем выйти на лестницу и далее под палящее солнце, Уэйлон поскорей нашел уборную и прижался лбом к холодным плиткам облицовки. Там его и вывернуло.

Глава 2

Весть о протекшей в церкви крыше обошла Шэя Джозефа стороной, поскольку его не оказалось там, где ему стоило быть. Однако он почти никогда и не бывал там, где предполагалось. Если братьям требовалось его найти, рассуждал он, то они знали, где можно не искать.

В полном безделье он лежал на полу в маленькой заброшенной квартирке, что находилась в мансарде родительского дома на Холлоу-стрит. Над головой мерно крутился вентилятор, а в руке Шэй сжимал любимый стеклянный голыш — окатанный морем кусочек синего стекла. Серый ковер под ним давно уже стоптался и выцвел. Справа от него по-прежнему стояли на полке старые мамини